

∞ 1 ∞

Даллас, Техас
22 ноября 1963 года, 12:05

Не успела я открыть глаза, как резкий запах гниющей рыбы ударил мне в нос. Думаю, именно вонь объясняла присутствие кошек, которые маячили перед глазами каждый раз, когда я просматривала это место перемещения в течение последних нескольких дней. Две кошки, тощая рыжая в полоску и длинношерстная белая, с разодранным левым ухом, шипят и настороженно наблюдают за мной с крыши большого серого мусорного контейнера, стоящего прямо позади меня. Надпись от руки на нем гласила: «Только для школьного книгохранилища», но рыбные кости и объедки вокруг мусорного бака кричали о том, что по меньшей мере один владелец местного ресторана либо не умеет читать, либо не утруждает себя следованием правилам.

Ужасный запах, несомненно, и есть причина, по которой ХРОНОС выбрал в качестве стабильной точки именно это место. Ни один здравомыслящий человек не рискнул бы приблизиться к нему ближе чем на тридцать метров. Пару историков, появляющихся из ниоткуда, заметят лишь кошки.

Изучив лица на фотографии еще раз, прячу ее и ключ ХРОНОСа под свитер и спешу вниз по Хью-

стон-стрит. Свернув на улицу Вязов, направляюсь к знаку «Держаться правой стороны» на шоссе Р.Л. Торнтон. Вдоль дороги начинает собираться толпа. Кортёж находится всего в десяти минутах езды, и это означает, что у меня осталось совсем мало времени, ведь только за несколько минут до стрельбы я смогу узнать, где находятся мои бабушка и дедушка.

В радиусе пяти кварталов не менее семи стабильных точек, что свидетельствует о неугасающем интересе к теориям заговора, связанным с убийством Кеннеди, даже в 2300-х годах. Я уже использовала три из этих стабильных точек, и в этот самый момент три другие версии меня идут к Дили-Плаза: одна с Маркет-стрит, другая с Мейн-стрит и еще одна с Рекорд-стрит. Кейт с Мейн-стрит даже одета в тот же свитер и блузку с дурацким воротничком, как у Питера Пэна, но примерно через минуту ее окружит толпа, и в двенадцать тридцать, когда на площади раздадутся выстрелы, она будет уже на целый квартал позади. Две другие Кейт тоже не найдут Тимоти и Эвелин Уинслоу.

Я только подъехала к площади, представляющей собой небольшой парк с белой беседкой на вершине холма, когда молодая пара с двумя маленькими мальчиками остановилась передо мной. Старший ребенок лет четырех крепко вцепился в красный сарафан своей матери. Мальчик помладше сидит на плечах отца, пухлыми ручками держась за воротник его клетчатой рубашки. Он откидывает свою маленькую белокурую головку назад, разглядывая мир вверх ногами, и удивляется, увидев меня позади.

Его отец кивает в сторону клочка травы посреди улицы Вязов.

— Но... может, нам лучше остаться на этой стороне, Билл? — Женщина выглядит лет на двадцать с небольшим, и голос у нее высокий, с сильным южным акцентом. — Там две большие улицы, они могут потеряться

в толпе. Если мы останемся здесь, дети смогут поиграть на лужайке, пока мы ждем.

Мужчина снимает малыша с плеч плавным привычным движением и сажает на печально известный, покрытый травой холмик. Он ловит мой взгляд, встает и застенчиво улыбается мне, походя на молодого Элвиса Пресли. Дрожь пробегает у меня по спине. Я не могу объяснить почему, но после понимаю, что это Ньюманы — семья из тех фото и видео, что я изучала в Интернете. Те, на чьих глазах произойдет убийство. После стрельбы на них обрушится толпа журналистов, десятки репортеров будут фотографировать, как они лежат на траве, прикрывая собой детей от хаоса.

Ньюман и его жена смущенно переглянулись — я, наверное, надолго задержала на нем взгляд. Одарив их нервной полуулыбкой, прохожу мимо, торопясь к бетонным ступеням, ведущим к беседке.

Далеко не живописный на вид забор из штакетника и несколько больших деревьев скрывают гораздо менее живописный вид на грунтовую парковку позади площади. Уже конец ноября, но почти все деревья еще зеленые, за исключением пары только-только сбрасывающих свои красновато-золотые листья. Около забора прогуливаются несколько человек. Я постоянно напоминаю себе, что мне только нужно найти бледно-голубой «Форд Фэрлейн». И все же я не могу не обратить внимания на молодого парня с тонкими усами, выглядывающего из травянистых зарослей и пристально наблюдающего за улицей, он слегка подергивает левой ногой. Прислонился к забору и закурил сигарету. Сегодня слишком тепло для такой куртки... может, за этим бугорком в его кармане скрывается пистолет? И в этой тени дерева, прямо за забором, определенно можно спрятать винтовку...

Я качаю головой, возвращаясь к более важному делу, и, наконец, нахожу автомобиль, который мельком

заметила с тротуара во время моего последнего перемещения, как раз перед тем, как прогремят выстрелы и отберут мой последний шанс приблизиться к площади. «Фэрлейн» припаркован примерно в двадцати пяти метрах, позади грязного красного пикапа со спущенным передним колесом.

В 1963 году на дорогах появилось немало голубых «Фэрлейнов» 1959 года, так что я вполне могла ошибиться. Я сворачиваю направо, надеюсь незаметно подойти к нему, обхожу пикап и пару других машин с задней стороны стоянки. Надеюсь, что мои бабушка и дедушка в машине, а не болтаются возле Запрудера¹, чтобы остаться на кадрах его документалки. Или высматривают Ли Харви Освальда² на шестом этаже книгохранилища. Сейчас мы полагаемся на воспоминания Кэтрин о кратком разговоре с Эвелин, состоявшемся почти пятьдесят лет назад.

Коннор охал и ахал над изображениями этого «классического» автомобиля, когда мы изучали его в Интернете, но, вы меня извините — автомобили этой эпохи то еще уродство. В одних «плавниках» достаточно металла, чтобы соорудить один или два «Приуса». Отбросив эстетическую сторону, могу сказать, что сейчас я даже немного благодарна этим плавникам, потому что они хорошо прикрывают меня, пытающуюся пробраться за автомобилем, согнувшись втрое.

В машине сидят два человека, но они настолько вплетены друг в друга, что я с трудом могу разобрать, где начинается один и заканчивается другой, не гово-

¹ Абрам Запрудер — американский бизнесмен, производитель женской одежды, который 22 ноября 1963 года снял 26-секундный документальный любительский фильм, запечатлевший убийство президента США Джона Кеннеди.

² Ли Харви Освальд — единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди.

ря уже о том, чтобы узнать в них людей с фотографии, которую дал мне папа. И если это *они*, я знаю, что эти страстные объятия служат по большей части только прикрытием. Они надеются, что тот парень у забора или любой другой потенциальный «второй стрелок» не обратит внимания на молодую пару, целующуюся на парковке, и у них будет возможность стать свидетелями исторического события. Они, наверное, едва дышат. Но все же будет не очень приятно подкрасться и представиться своей двадцатипятилетней бабушке в тот момент, когда ее рубашка наполовину расстегнута, а девушка уже почти перешел к делу.

Я достаю свой ключ ХРОНОСа. Фотографию и телефон держу в свободной руке. Конечно, в 1963 году никакого сигнала не поймать, но телефон все еще сможет воспроизвести видео, которые записали Кэтрин и папа, чтобы подтвердить мой рассказ.

На мгновение я задумываюсь, стоит ли сначала вежливо постучать в окно. Волосы у нее такие же темно-медные, как и у девушки на снимке «Поляроида», поэтому я все же решаюсь перейти к действиям. Быстро дернув хромированную ручку, распахиваю дверь «Фэрлейна». Сажусь на заднее сиденье, держа ключ ХРОНОСа, словно полицейское удостоверение, давая им время разобраться в том, что произошло.

Эвелин бросает на меня яростный взгляд через зеркало заднего вида и тут же начинает застегивать кофточку. Тимоти оглядывается, и у меня возникает странное ощущение, что на меня смотрит «сердитое» лицо моего отца, но на пятнадцать лет моложе и, возможно, на пять килограммов полнее. Мой папа довольно мягок, поэтому я нечасто видела это выражение. Я хорошо помню только тот случай, когда мне было, возможно, лет пять и я пыталась узнать, что случится, если нагреть пирожное лазером в DVD-плеере (ничего хорошего).

— Мы. В самом. Разгаре. Исследования. — Он сердито мотает головой в сторону парня, стоящего у забора. — Этот человек может быть Джеймсом Файлсом¹, и...

— И, возможно, он второй стрелок. Да, я знаю, и мне очень жаль. Один из вас может продолжить наблюдение, если желает.

Эвелин возвращается на свое сиденье так, чтобы незаметно продолжить слезку за парнем.

— Я никогда не видела тебя в ХРОНОСе, — говорит она, — полагаю, ты из более раннего поколения? Или, может, позднего?

Я протягиваю Тимоти фотографию. На ней запечатлены они: старше на несколько лет, на лицах счастливые улыбки. Он держит темноволосого маленького мальчика высоко над головой. На заднем плане видна пассажирская часть этого светло-синего «Форда».

— Ну, это как посмотреть. Я Кейт. Твоя внучка. Маленький мальчик, которого ты держишь на этой фотографии, — мой отец.

Обычно людям не приходится представляться своим родителям или дедушке с бабушкой, но я уже в этом деле собаку съела. Еще три месяца назад я сидела напротив своего отца и пыталась убедить его, что я его дочь из другой временной линии. Затем я гналась за двумя разными версиями Кэтрин, моей бабушки по материнской линии, во время Всемирной ярмарки 1893 года в Чикаго. В обоих случаях мне пришлось объяснять, кто я, чтобы предотвратить ее убийство и мое последующее полное исчезновение. Если я когда-нибудь встречу своего другого дедушку, Сола Рэнда, у меня уже будет полный комплект. Но все же я очень надеюсь, что никогда

¹ Джеймс Файлс, также известный как Джеймс Саттон, дал интервью, в котором утверждал, что был тем самым стрелком, который прятался на заросшем травой холме в Дили-Плаза в утро убийства Джона Ф. Кеннеди.

не встречу с ним лицом к лицу. Именно из-за него я и попала в эту передрагу. И если его люди узнают, что я вмешаюсь, все полетит к чертям.

Тимоти переводит взгляд с фотографии на меня и обратно, передавая ее жене. Она смотрит на меня через зеркало заднего вида, и спустя мгновение возвращает внимание к парню у забора.

— У нее твои глаза, Тимо.

Я вижу, что он все еще раздражен, но его взгляд немного смягчился.

— Итак, что произошло, Кейт? Тебя здесь не должно быть, если только правила ХРОНОСа не изменились в ближайшие несколько десятилетий. Никакого взаимодействия с членами семьи, верно? — Эвелин вздыхает. — Давай просто вернемся в стабильную точку. Мы еще успеем проверить этого парня во время следующего перемещения. Нам нужно вернуться в ХРОНОС, и ей тоже.

Мне бы очень хотелось поскорее убраться с этой стоянки, потому что у нас есть всего несколько минут до того, как кто-нибудь отсюда, или из школьного книгохранилища, или из обеих точек выстрелит в черный «Линкольн Континенталь» с откидным верхом, в котором сидят Кеннеди с Джеки. Но я чувствую себя немного виноватой. Ведь они несколько месяцев работали над этой головоломкой.

— Если вам правда хочется узнать, не Джеймс Файл ли это, продолжите наблюдение. Вы не сможете переместиться еще раз. ХРОНОСа больше нет.

Они оборачиваются и некоторое время смотрят на меня, затем Тимоти заводит автомобиль и переключает передачу на задний ход.

— Если это так, значит, нам нужно убраться отсюда, пока есть возможность. У нас теперь проблемы посерьезнее, чем выяснение, кто именно из этих бандитов убил Кеннеди.

Он выехал на дорогу, которая оказалась перекрытой из-за парада, но спустя уже два квартала пробки на дорогах довольно быстро рассосались. В машине стоит полная тишина, пока мы не пересекаем мост через несколько кварталов. Эвелин время от времени бросает на меня довольно противоречивые взгляды. Легкая россыпь веснушек на ее носу немного напоминает мою, но в остальном я больше похожа на родственников со стороны мамы. Если не считать зеленых глаз, которые явно достались папе от человека на водительском кресле, и бледного шрама на шее чуть ниже правой щеки, который я получила недавно, я практически копия моей тети Пруденс. Это значительно осложняет мою жизнь, учитывая, что она играет за другую команду.

— Что произошло? — спрашивает Эвелин. — Нас насторожило то, как этот парень затащил Шайлу в комнату перемещений. Я сказала Тимо, что в этот раз что-то пошло не так. Когда мы появились в стабильной точке в среду, я подвернула лодыжку, а такого никогда раньше не случилось.

Машина сворачивает с дороги на небольшую парковку. Темно-оранжевый прямоугольный знак «*A&W Ice Cold Root Beer*» выглядывает прямо из стены невысокого здания.

Эвелин прищуривается и спрашивает:

— И почему мы здесь остановились?

Тимоти притормаживает под оранжево-белым навесом, рядом со столиками для пикника, расставленными в центре.

— Я голоден, и хочу пить, и подозреваю, что разговор будет долгим. Судя по тому, что говорит Кейт, мы можем не надеяться на возвращение домой, верно? Так, чего вы желаете, дамы?

Она закатывает глаза и отвечает:

— Я не голодна, Тимоти.

А я просто отрицательно качаю головой. Тимоти пожимает плечами, выходит из машины и идет к зданию, где мужчина средних лет в белой бумажной шляпе открывает окно, чтобы принять заказ.

— Если мы застрянем здесь надолго, он наберет килограммов двадцать, — говорит Эвелин. — Он перестал влезать в свои штаны с тех пор, как мы начали исследовать убийство Кеннеди. Не понимаю, как люди с таким плотным питанием живут дольше пятидесяти.

Я слабо улыбаюсь ей, но ничего не говорю. Неважно, сколько чили-догов он съест. Забота об уровне холестерина не остановит пикап с бревнами от столкновения с их фургоном в 1974 году. Они погибли, и мой пятилетний папа очнется в больнице спустя два дня крупным сиротой. Я не могу сказать им ничего, что могло бы изменить это, поскольку именно таким путем могу появиться я, и, как любит говорить Кэтрин, я — новая последняя надежда Земли. Или, по крайней мере, для большей части ее населения.

— Итак, как долго *мы*... — начинает она и поднимает ладони, продолжив: — Нет. Подожди, пока он вернется, или тебе придется все повторять дважды.

Проходит некоторое время, и пока мы ждем, я решаю нажать кнопку «видео» на своем телефоне и начинаю записывать. В кадре на несколько секунд появляется Эвелин, наблюдающая за Тимоти нежным, но все еще раздраженным взглядом. А потом он возвращается к машине, держа в руках металлический поднос с тремя высокими матовыми кружками и парой чили-догов, доверху наполненных сыром и луком. Он стучит костяшками пальцев в окно со стороны Эвелин. Она поворачивает ручку окна.

— Только ты будешь это есть, так почему бы не поставить на свою сторону? Они воняют.